

М. Э. Хайкина

## К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ МИГРАНТОВ В ИНОЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА ЛЕНИНГРАДСКИХ ТАТАР)

Миграция из малых поселений в большой город связана с изменением всех сторон жизни человека — материальной, социальной, духовной. Адаптация к городской среде — сложный, иногда многопоколенный процесс, суть которого состоит в усвоении личностью (или первичными социальными группами) таких форм поведения, которые позволяют ей (им) нормально функционировать и развиваться в новой социокультурной среде. Современный большой и полиэтничный город — это поле интенсивных контактов людей (или их групп) с различным социальным, национальным, культурным опытом и традициями. Поэтому тут особую роль играет информация о формах поведения, социальной ориентации, образе жизни и т. д., значимость которой особенно велика в период адаптации. Каналами передачи такого рода информации прежде всего являются межличностные (face to face) контакты: на их важность в процессах трансмиссии культуры указывает ряд авторов<sup>1</sup>. При всем развитии надконтактных коммуникаций на современном этапе межличностное общение все же остается одним из важнейших и легко доступных источников информации о структуре ценностей, формах поведения, обычаях, бытующих в той или иной социальной среде, о нормах культурно-бытового потребления. Кроме того, такое общение способствует преодолению чувства отчужденности, которое может вызвать обезличенность и интенсивность коммуникаций в городе.

Известно, что отличительной особенностью общения в крупном городе является преобладание функционально-ролевых контактов, сведение до минимума соседского общения, специализация и дифференциация различных видов коммуникаций<sup>2</sup>, которые в условиях села или малого города часто «наслаиваются» друг на друга. Современная культурная жизнь города и деревни различаются в первую очередь формами внесемейного общения. Поэтому наряду с новыми ценностями городского образа жизни мигрант осваивает особенности городского общения. Межличностные коммуникации служат, таким образом, не только одним из механизмов адаптации, но и ее важнейшим аспектом.

<sup>1</sup> См. подробнее: *К. В. Чистов*. Теоретико-информационный аспект изучения современной духовной культуры. — «Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1978 гг. Тезисы докладов». Ереван, 1978, с. 8, 9; а также статьи *О. Н. Яницкого*, *Л. Б. Когана*, *В. М. Долгого* в сб.: «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции». М., 1970.

<sup>2</sup> *А. В. Баранов*. Человек в городе. — «Духовное становление личности», Л., 1972, с. 88—95; *Э. В. Соколов*. Смысл и культура человеческого общения. — Там же, с. 100—105; *В. Трушков*. Город и культура. Свердловск, 1976, с. 43, 44; *О. Н. Яницкий*. Социально-информационные аспекты урбанизации. — «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции», с. 34; *Л. Б. Коган*, *Ю. В. Вишневский*. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972, с. 115.

Города растут в значительной степени за счет сельского населения, и мигрант оказывается в сфере взаимодействия городского образа жизни, городских традиций, хранимых потомственными горожанами, и традиционных сельских форм культуры, приносимых выходцами из села<sup>3</sup>. Стиль поведения, структура ценностей и норм, которые мигрант воспринимает в качестве образца, зависят как от его собственного культурного потенциала, так и от влияния окружения — ближайших друзей и родственников. В той же мере, в какой индивид формирует социальную микросреду вокруг себя в соответствии со своими духовными запросами и установками, микросреда в свою очередь влияет на культурные и профессиональные ориентации личности<sup>4</sup>.

Предметом настоящего исследования являются структура и интенсивность общения мигрантов. Можно предположить, что особенности межличностных коммуникаций мигранта отражают его установку на освоение норм городского образа жизни либо, наоборот, — на воссоздание в условиях города привычной культурной микросреды через традиционные локально-семейные формы общения.

Процесс адаптации в определенной мере осложняется, если мигрант одновременно должен приспособливаться к новой национально-культурной среде. Современные крупные города, притягивая к себе группы населения различных национальностей, впитывают их разнообразный культурный опыт. Однако массовая культурная информация в городах имеет отпечаток этнического большинства или основного населения данного региона; средства массовой коммуникации, как правило, в меньшей мере приспособлены к другим национальным группам.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть особенности общения в группе ленинградских татар<sup>5</sup>. Данная этническая группа была выбрана в качестве объекта изучения по ряду причин. Татары существенно отличаются от основного населения города по языку и культурным традициям и вместе с тем образуют значительную этнодисперсную группу, насчитывающую 33,1 тыс. человек<sup>6</sup>. В ходе исследования было опрошено 720 человек, треть которых составили уроженцы Ленинграда, а две трети — мигранты из различных областей страны. Для последних процесс освоения норм образа жизни большого города, овладения городскими профессиями и т. п. тесно связан с культурной, а для некоторых и с языковой адаптацией.

Проблемы, касающиеся освоения новой культурной среды, особенно актуальны для недавних мигрантов, т. е. людей, срок проживания которых в Ленинграде меньше 10 лет. Их отличает высокая интенсивность и широта дружеского общения. Недавние мигранты имеют много друзей и по их числу опережают все другие группы мигрантов-татар. Так, коэффициент среднего числа друзей на человека ( $K$ ) составляет у недавних мигрантов 1,6 (такова же величина этого коэффициента у татар — уроженцев Ленинграда), в то время как для остальных групп опрошенных  $K$  почти не варьирует в зависимости от срока проживания в городе и составляет около 1,4. На группу недавних мигрантов приходится и «пик» интенсивности дружеского общения: около 65% из них встречаются с друзьями не реже одного раза в неделю. Такой характер дружеского

<sup>3</sup> Н. В. Юхнева. Изучение города как этнографическая проблема. — «Этнографические исследования Северо-Запада СССР». Л., 1977, с. 143. О влиянии сельских традиций на городскую культуру см. также: П. И. Симуш. Различия между городом и деревней и образ жизни. — «Вопросы философии», 1975, № 3, с. 31; Г. М. Лаппо. О региональном подходе в исследовании и прогнозировании развития городов. — «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции», с. 354.

<sup>4</sup> Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии. Л., 1967, с. 13, 14.

<sup>5</sup> Опрос проводился в 1975—1976 гг. Сектором этнографии восточных славян Института этнографии АН СССР под руководством Г. В. Старовойтовой. Массив опрошенных составляет 2% от численности татар, проживающих в Ленинграде. По полу и возрасту отклонения от генеральной совокупности не превышают 5%.

<sup>6</sup> «Ленинград и Ленинградская область в цифрах». Л., 1974, с. 19.

## Интенсивность встреч с друзьями у мигрантов и уроженцев Ленинграда различных возрастных групп

Возраст	Встречаются с друзьями не реже одного раза в неделю, % к численности каждой группы		
	уроженцы Ленинграда	недавние мигранты	в среднем по массиву
От 16 до 35 лет	69,5	67,5	67,5
Старше 45 лет	21,7	60,0	32,1

возраста. В этой группе опрошенных много молодых людей от 16 до 35 лет, которые, как известно, являются наиболее активными мигрантами<sup>7</sup>. Однако при сравнении одинаковых возрастных групп оказалось, что среди недавних мигрантов частота встреч с друзьями не зависит от возраста (см. табл. 1), в то время как для всего массива эта зависимость выражена довольно сильно ( $T=0,219$ )<sup>8</sup>.

Стабильная для всех возрастов интенсивность дружеского общения в группе недавних мигрантов подтверждает его значимость в период адаптации.

Обратные тенденции наблюдаются в сфере родственного общения. У всех респондентов с возрастом несколько повышается интенсивность родственного общения, однако статистической связи между этими факторами нет ( $T=0,094$ ). В то же время у недавних мигрантов с возрастом резко меняется частота встреч с родственниками: не реже одного раза в неделю с ними встречается около трети респондентов моложе 45 лет и около 80% лиц старше этого возраста.

Как источник социокультурной информации дружеское общение существенно отличается от родственного. Круг друзей часто интернационален по своему составу (особенно в большом, многонациональном городе), однороднее по возрасту и, несомненно, отражает большую свободу выбора в соответствии с уровнем культурных запросов личности. Круг родственников в основном задан, он включает до трех, а иногда до четырех поколений. Интенсивные контакты между родственниками создают условия для передачи от старших поколений молодым не только национальной культурной информации, но и некоторых пережитков (религиозных, например), консервативных традиций, взглядов. Однако важнейшими критериями в сфере общения все чаще выступают «качество» и объем получаемой информации. «Поиск» новой информации является одним из фундаментальных признаков городского образа жизни<sup>9</sup>. Общение, ориентированное на замкнутый круг родственников, по-видимому, не способно в достаточной мере удовлетворять этому требованию. Как источник информации, основанной на «жизненном опыте», на возрастном авторитете, оно в значительной степени является элементом традиционной культуры общения<sup>10</sup>.

Так, если предложенный в анкете список возможных близких друзей проранжировать по частоте встреч с родственниками и с друзьями, то мы получим почти диаметрально противоположные структуры межличностного общения (см. табл. 2).

<sup>7</sup> В каждом миграционном потоке преобладают респонденты тех возрастов, которым в период миграции было от 16 до 35—45 лет.

<sup>8</sup>  $T$  — коэффициент статистической связи Чупрова.

<sup>9</sup> Л. Б. Коган. Урбанизация и культура города (тенденции и механизмы). — «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции», с. 138—140.

<sup>10</sup> Об этнических стандартах общения см. Б. Х. Багажников. Коммуникативное поведение и культура. — «Сов. этнография», 1978, № 5, с. 3—17.

Соотношение структуры дружеского общения и частоты встреч с друзьями и родственниками

В качестве близких друзей были названы	Встречаются с родственниками не реже 1 раза в неделю (в %)	В качестве близких друзей были названы:	Встречаются с друзьями не реже 1 раза в неделю (в %)
1. Родственники	46,96	1. Друзья по учебе	66,07
2. Соседи по дому	37,83	2. Соседи по р-ну	55,55
3. Соседи по р-ну	37,78	3. Друзья по интересам	52,48
4. Другие (не вошедшие в перечень) друзья	37,50	4. Друзья по работе	49,09
5. Друзья по работе	35,50	5. Соседи по дому	46,84
6. Друзья по учебе	33,63	6. Родственники	40,86
7. Друзья по интересам	21,74	7. Другие (не вошедшие в перечень друзей)	40,83
В среднем встречаются с родственниками не реже 1 раза в неделю	37,87	В среднем встречаются с друзьями не реже 1 раза в неделю	47,83

Из таблицы видно, что интенсивное родственное общение связано главным образом, с «семейно-локальным» типом межличностных контактов, характерным для сельских и небольших городских поселений. Респонденты, имеющие близких друзей по работе, учебе, по интересам и любительским занятиям, в среднем реже, чем остальные опрошенные, встречаются с родственниками, но, первенствуют по частоте встреч с друзьями.

Расширение социальных связей, повышение возможностей, а отсюда и избирательности общения в большом городе приводят к падению роли «территориального» признака в межличностных коммуникациях. Повышается значимость контактов, основанных на взаимном информационном «пополнении», на общности профессиональных и внепрофессиональных интересов. Интенсивное дружеское общение связано именно с этим типом межличностных коммуникаций, требующих определенной избирательности и мобильности.

Таким образом, частота дружеского общения, с одной стороны, и родственного — с другой, может служить индикатором двух различных типов межличностных коммуникаций. Первый представляет стандарт общения в большом городе и присущ главным образом мобильным группам населения, в то время как второй соответствует «традиционно-сельскому» образцу общения с характерными для него тесными родственными и соседскими связями.

Исходя из сказанного, рассмотрим структуру дружеского общения недавних мигрантов. С изменением в зависимости от возраста частоты встреч с родственниками у таких мигрантов существенно трансформируется и структура дружеского общения. В этой группе респонденты старше 45 лет в качестве близких друзей назвали родственников, товарищей по работе (по 30,8%), а также соседей по дому и по району (вместе 38,5%). Узость диапазона выбора друзей и преобладание здесь принципа родственной и территориальной близости отличает их как от более молодых респондентов с тем же сроком адаптации к городу, так и от всех остальных опрошенных татар. Например, удельный вес друзей — соседей у остальных мигрантов и уроженцев Ленинграда старше 45 лет составляет соответственно 18,8% и 11,1%; и в целом структура дружеского общения последних имеет больше общего с молодыми респондентами этих же групп, чем с недавними мигрантами старше 45 лет.

В то же время недавние мигранты моложе 45 лет по структуре дружеского общения мало отличаются от уроженцев Ленинграда этого же

## Структура дружеского общения недавних мигрантов и уроженцев Ленинграда в возрасте от 16 до 45 лет

Ближайшие друзья	Удельный вес каждой группы друзей, %	
	уроженцы Ленинграда	недавние мигранты
Друзья по работе	34,8	36,6
Друзья по учебе	19,9	23,6
Соседи по дому и по району	11,5	12,5
Родственники	18,8	18,1
Друзья по интересам и другие	14,9	9,7

возраста (см. табл. 3). Удельный вес родственников и соседей среди друзей у них в 2—3 раза меньше, чем у респондентов старше 45 лет. В обеих группах ведущее место занимают друзья по работе и учебе.

Недавние мигранты немного уступают татарам — уроженцам Ленинграда по числу дружеских связей, требующих определенного уровня избирательности общения: у местных уроженцев больше друзей, выбранных по интересам и любительским занятиям.

Таким образом, наиболее сильное влияние на структуру дружеского общения возраст оказывает в группе недавних мигрантов. Более молодая и, следовательно, мобильная и образованная их часть довольно легко адаптируется к различным особенностям городской культуры, в том числе и к особенностям общения. В то же время недавние мигранты пожилых возрастов выступают носителями традиционной структуры общения.

В процессе адаптации, особенно в условиях сложной культурно-национальной среды, особое значение для мигранта приобретает общение с родственниками и земляками. Влияние таких связей не однозначно: с одной стороны, они помогают индивиду освоиться, стабилизироваться в незнакомой инонациональной среде, с другой — могут способствовать созданию некоторой этноцентричности в общении, консервации отдельных традиционных форм культуры и, таким образом, замедлить процесс адаптации. Для татар, сравнительно недавно прошедших стадию урбанизации, характерна довольно высокая степень тесноты межличностных, персонифицированных контактов. Это было выявлено в результате социологического исследования в городах ТАССР<sup>11</sup>, а также отмечалось самими респондентами при опросе в Ленинграде. Большинство респондентов не безразлично относится к наличию соседей одной с ними национальности и знает, живут они в их или в соседнем доме. Только 30,3% опрошенных ответили, что «не знают, не интересовались» этим вопросом. Среди остальных — 22,8% находятся с соседями-татарами в отношениях хорошего знакомства, 21,4% знают их «в лицо», соответственно 9,3 и 6,8 имеют среди них близких друзей и родственников. Можно добавить, что около 30% познакомились с соседями-татарами через своих друзей или родственников. Такие данные характеризуют довольно высокий уровень тесноты «этнолокальных» контактов<sup>12</sup>. С одной стороны, это может быть обусловлено традиционно крепкими родственными и дружескими связями у татар, с другой — условиями инонационального окружения, которое в силу более осознанного самовыделения этнической группы способству-

<sup>11</sup> Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов ТАССР). — «Сов этнография», 1976, № 3, с. 51. К сожалению, по Ленинграду нет аналогичного сравнительного материала.

<sup>12</sup> Ср. с общей оценкой соседского общения в Ленинграде, данной А. В. Барановым (указ. раб., с. 94), а также с данными по Новосибирску: М. В. Тимяшевская. О некоторых социальных последствиях градостроительного эксперимента. — «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции», с. 289—291.

Теснота общения с соседями-татарами<sup>3</sup> в зависимости от предыдущего места жительства мигранта (в %)

Предыдущее место жительства	Не знают, не интересовались, живут ли рядом татары	Знают сосед.-й-татар только в лицо	Немного знакомы со своими соседями-татарами	Имеют среди соседей-татар		Сумма
				близких друзей	родственников	
Село	30,2	25,2	26,6	12,2	5,8	100,0
Малый город	44,6	17,2	20,7	14,0	3,5	100,0
Крупный город	54,5	16,8	19,8	6,9	2,0	100,0

ет устойчивости этнической специфики в формах поведения и тесноте внутриэтнических контактов<sup>13</sup>.

По мере адаптации в городе теснота национального соседского общения падает, «смещаясь» вначале в сторону «хорошего знакомства», а затем просто визуального различения татар среди своих соседей. Интересно, что среди недавних мигрантов в 1,6 раза больше, чем в среднем по массиву опрошенных, респондентов, не интересовавшихся наличием соседей-татар (48,2%); и в то же время в этой группе в 1,9 раза больше лиц, имеющих среди последних близких друзей.

Такая «поляризация» ориентаций в отношении этнолокального типа общения, вероятно, не случайна именно в группе недавних мигрантов. Миграция в такой крупный город, как Ленинград, для подавляющего большинства является довольно резкой сменой культурной среды, что может вызывать двоякую социально-психологическую реакцию. Стремление к быстрому освоению новых форм культуры и типов общения может приводить к отрицанию (иногда демонстративному) старых, привычных норм поведения<sup>14</sup>. Эта тенденция, по-видимому, особенно характерна для молодых мигрантов, легче отказывающихся от традиционных стереотипов поведения. Вместе с тем какая-то часть мигрантов в силу возраста, сравнительно невысокого уровня образования и т. д., оказавшись в городе, видимо, стремится по возможности «реконструировать» привычную микросреду. Для них «этнолокальный» тип общения является не только знакомой моделью культурных традиций села или малого города, из которых они приехали в крупный многонациональный город, но и каналом передачи и сохранения этих традиций. Кроме того, структура общения, основанная на родственно-соседских узах, может являться своеобразным защитным механизмом, способом компенсации обезличенности и одновременно насыщенности городского общения.

Существенное влияние на стремление к этнолокальному общению оказывает величина поселения, из которого приехал мигрант (см. табл. 4).

Как видно из таблицы, степень знакомства и теснота общения со своими соседями-татарами тем меньше, чем крупнее центр, из которого прибыл мигрант. Причем, когда речь идет о близких друзьях среди соседей-татар, разрыв между мигрантами, прибывшими из крупных урбанизированных центров и малых поселений, увеличивается в 1,8 раза. Мигранты из городов быстрее и легче адаптируются и в большом, инонациональном по отношению к ним центре. Для них дружеские связи, основанные на этнолокальной близости, не имеют большого значения.

<sup>3</sup> Г. В. Старовойтова. Указ. раб., с. 55.

<sup>4</sup> Ю. Лотман, Б. Успенский. О семиотическом механизме культуры.— «Труды по знаковым системам», в. V, Тарту, 1971, с. 145.

Тем не менее в условиях иноэтнического окружения наличие соседей-татар редко остается незамеченным.

Итак, неотъемлемым аспектом адаптации к городу является освоение особенностей городского общения. Быстрее этот процесс идет среди более молодой и социально-активной части мигрантов. Носителями «традиционно-сельского» стандарта общения, с его тесными родственно-соседскими связями, выступают мигранты пожилых возрастов. Через общение, являющееся важнейшим механизмом трансляции культуры, в значительной мере познаются принятые в данной среде культурные ценности, нормы поведения. Поэтому можно предполагать, что структура общения отражает и другие аспекты процесса адаптации, связанные с профессиональной и культурно-бытовой жизнью мигранта; исследование их может быть предметом дальнейшего изучения.